

РИСКОВАННЫЕ ИГРЫ

П Р О З А

ВАЛЕРИЯ **БОЧКОВА**

В БАЛЧЕКРОВИЙ

ХАРОН

роман

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Художественное оформление серии *Петра Петрова*

Бочков, Валерий Борисович.

Б86 Харон : роман / Валерий Бочков. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Рискованные игры).

ISBN 978-5-699-92124-9

Говорят, Харон — перевозчик душ умерших в Аид — отличается свирепыми голубыми глазами. Американский коммандо Ник Саммерс, он же русский сирота Николай Королев, тоже голубоглаз и свиреп и тоже проводит на тот свет множество людей, включая знаменитого исламистского Шейха. Ник пытается избежать рока — но тот неминуемо его настигает и призывает к новому походу по Стиксу. Судьба ведет его в далекую, но все равно родную для него Россию...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92124-9

© Бочков В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

В четырнадцать лет я убежал из дома. Это был мой второй побег, первый раз я удирал еще в России из звенигородского приюта. Тогда мне только стукнуло девять, я был сопляк и дурак. Меня поймали на третьи сутки на Казанском вокзале.

На этот раз я подошел к вопросу по-взрослому. Раздобыл армейский компас, распечатал крупномасштабную карту, такую подробную, что на ней были нанесены не только грунтовые проселки, но даже тропы, броды в реках, ручьи и источники с питьевой водой.

Из карманной мелочи и денег на кино я скопил девяносто пять долларов. В рюкзак упаковал спальный мешок на гагачьем пуху (рюкзак и спальник выцыганил на барахолке за двадцатку у одноглазого сержанта), алюминиевую флягу,

пять упаковок галет с изюмом и орехами, большое красное яблоко.

В боковой карман рюкзака спрятал нож, настоящую охотничью финку с хищными зубцами на конце лезвия и мелким, почти незаметным, но обидным клеймом «Сделано в Китае». Ножи должны производиться в Мексике, в Марокко, в Испании. В каком-нибудь Толедо сухощавыми и загорелыми брүнетами с уверенными пиратскими лицами. Или в Швеции среди диких фьордов и клюквенных болот. На худой конец в Финляндии, ну уж никак не в Китае.

Из Чикаго автобусом я добрался до Виргинии; по странному совпадению я снова бежал на юг, правда, на этот раз на другом полушарии. В Ричмонде, в придорожной закуской, мне удалось уболтать мелкую старушонку, она подбросила меня на своем розовом «плимуте» к Монтичелло. Оттуда на лесовозе, груженном пахучими соснами, я добрался до Совиного Ручья.

Я вырос в казенных интерьерах, где стены покрашены мышинной краской, мокрой и холодной на ощупь, где чувства классифицируются по степени их рациональности, где понятие «выживание» имеет буквальное значение. Страх — деструктивная эмоция, страх мешает выживанию; не будучи

смельчаком, я научился не бояться из соображений рациональности. Когда меня перевели в старшую группу, там, в Звенигороде, на той же неделе Гогу нашли повешенным в душевых. Списали как самоубийство, хотя из-под лопатки у него торчала обломанная заточка, и все знали, что это заточка Хвоща. А помогали труп вешать Джуга и Дятел. Это тоже знали все. Гога один раз вступился за меня, а когда его убили, я промолчал. Я струсил и предал его из соображения рациональности. Я не рассказывал про интернат никому — ни Блейкам, ни в школе; не потому что поначалу был слаб в английском, я просто не хотел снова погружаться в ту толщу боли. Да и не понял бы никто.

Лесовоз скрылся за поворотом, я достал карту и сразу нашел Совиный Ручей. Самого ручья видно не было, я стоял на обочине рядом с ржавым указателем, пробитым дробью как решето. Где-то надрывно звенела цикада. Солнце уже садилось, и макушки придорожных сосен затейливыми кружевами чернели на фоне розового неба. Обрывки мелких облаков плавно тянулись на восток, на миг мне показалось, что я вижу, как вращается Земля, — сосны, фиолетовый лес за ними, тихо прокручивались под неподвижным зефирным куполом.

Тропа шла в гору, новые кеды упруго ступали по опавшим иголкам, бурым и мягким, как медвежья шерсть. С ветки беззвучно сорвался ястреб, нырнув под сосновые лапы, свечой взмыл вверх. Я вздрогнул от неожиданности, птица едва не задела меня крылом. Где-то слева, за густым орешником, ворчал ручей. Оттуда тянуло сырым холодом.

Впереди, за черными стволами, открывалась поляна. На дальней опушке стоял человек в долгополом пальто, он целился из ружья в корягу. Быстро темнело, по траве полз туман, казалось, что мужчина по колено забрел в какую-то муть. Коряга вдруг ожила, человек отпрянул. Я уже вышел на поляну и увидел, что это был волк. Его передняя лапа угодила в капкан. Зверь не скулил, молча следил за человеком, за ружьем. Я подошел ближе. Волк поймал мой взгляд, несколько секунд глядел мне в глаза, безнадежно и тоскливо. После обреченно отвернулся к лесу.

— Что вы делаете? Так нельзя, подождите, — остановился я и крикнул, сжав кулаки. — Нельзя!

Мужчина удивленно повернулся.

— Поляк, что ли? — спросил он.

На нем было холщовое пальто, мягкое, словно скроенное из старых мешков. В бритой угловатой голове было что-то рачье, то ли розовато-красная

кожа, то ли белесые выпуклые глаза с седыми ресницами. «Раковая шейка» — вспомнил я странное название конфет. Бровей на лице не было.

— Не поляк, — огрызнулся я. — Русский.

— Вот и ступай своей дорогой, русский.

Волк слушал, я видел настороженное ухо. Со-
сновый бор почернел и придвинулся, где-то за
ним закатилось солнце. Небо напоследок засве-
тилось персиковым, нежным, почти волшебным
сиянием. По диагонали протянулась ртутная жил-
ка — след самолета.

— Ну да! Вот если бы вас так, — я зло поддер-
нул рюкзак, — безоружного...

— Как? — тихо спросил он. — Как так?

— Вот так, в упор.

Его рачье лицо отливало розоватым блеском,
короткий нос казался покрыт лаком. Он нежи-
данно улыбнулся, выставив крупные зубы.

— Тебя как звать, парень? — Он приблизился
ко мне почти вплотную.

— Николай.

— Ты думаешь, Николай, так легко убить? Ты
думаешь, всех-то дел — на крючок нажать. Да?

Рак был длинным малым, на голову выше меня.
От него воняло сырым костром — горький, про-
тивный запах. Он сплюнул в траву.

— Мой отец говорил: каждый день ты должен кого-то убивать. Муху, крысу. Каждый день... — Рак засмеялся. — Тогда в решающий момент рука не дрогнет. В решающий момент...

Он неожиданно протянул мне ружье.

— На! Попробуй сам.

Ружье оказалось старым двухзарядным «ремингтоном», увесистым, гораздо тяжелее, чем я ожидал, цевье было теплым и скользким от его потных рук. Мой указательный палец осторожно лег на маслянистое железо. Мне всегда казалось, что оружие должно придавать уверенности, на деле я ощутил неудобство и растерянность.

— Приклад в плечо... Вот так...

— Знаю... — Я вжал приклад в плечо. — Ну и?

Рак сделал шаг назад, неожиданно приподнял ствол «ремингтона» и упер его себе в грудь. Я замер, хотел сглотнуть, во рту была сушь. Палец мелко дрожал на спусковом крючке.

— Ну и? — тихо передразнил он меня.

Его выпуклые глаза гипнотизировали, я не мог отвести взгляда от этих водянистых, в розовых прожилках, воспаленных глаз, от белых ресниц, похожих на свиные щетинки. Мне пришла неожиданная мысль, что он альбинос.

— Ну что, Ник, — так же тихо спросил он. — Сможешь? Или кишка тонка?

«Ремингтон» стал вдвое тяжелее. Страшно хотелось пить. Снизу, из желудка поднималась тошнотворная слабость, между лопаток скользнула щекотная капля. Если бы ствол не упирался в его грудь, у меня вряд ли хватило сил удержать ружье.

— Вот видишь, — ласково проговорил он. — Не так это просто — убить. Навык нужен.

Левой рукой он взялся за ствол, мои пальцы разжались сами. Он ловким жестом перехватил ружье за цевье, уверенно прижал ствол к волчьей голове и выстрелил.

1

Мы развелись через два с половиной месяца после моего возвращения из Пакистана. Выплатили кредит за «рэнглер», переписали дом на имя жены. Бывшей жены. Она снова стала Хелью Борг, дети — старшему уже двенадцать, младшей Анне — семь, тоже стали Боргами. Мое имя постепенно начало исчезать. Исчезать с почтовых конвертов, со счетов за газ, электричество, исчезать из жизни.

Я научил детей прятаться в ванной при первых признаках опасности, ванная — самое защищенное место в доме. Моя жена научилась обращаться с дробовиком, винтовка всегда в спальне, я объяснил Хелью, под каким углом лучше стре-

лять сквозь дверь, чтобы избежать рикошета. Сразу после учебного года они с детьми переедут на Западное побережье, куда-нибудь в Калифорнию или Орегон. Здесь, в Виргинии, на лужайке перед нашим домом уже стояла вывеска «Продается».

В апреле, во время очередного медосмотра я пожаловался на депрессию.

— Суицидальные мысли? — спросил доктор, тюкая по клавишам ноутбука двумя пальцами.

Я пожал плечами, кивнул, разглядывая серый линолеум, неубедительно изображающий мрамор.

— Алкоголь?

— Ну-у...

Док поднял голову, разнял очки — дужка на переносице соединялась магнитом. Две стекляшки повисли на груди.

— Удобная штука... — заметил я.

— На спиртное не налегай. — Он не хотел поддержать разговор про свои замечательные очки. — А депрессия... депрессия — это нормально. После того, что вы там ...

— Может, таблетки? Я просыпаюсь каждую ночь в два, не могу заснуть до утра.

— На спиртное не налегай, — повторил доктор.

Соединил очки и начал что-то выстукивать на клавиатуре.

Через неделю я подал рапорт. Самое забавное, что если бы меня пристрелили в Аллатаббаде или раньше, в Афганистане или Ираке, Хелью до конца жизни получала бы за меня приличную пенсию, мои дети бесплатно окончили бы колледж — любой, на выбор. Всей семье была бы гарантирована медицинская страховка Минобороны.

До выхода в отставку мне оставалось два с половиной года — тридцать один месяц. Подавая рапорт, я нарушал контракт и лишался пенсии, выходного пособия, страховки.

Командир отряда, капитан первого ранга Ригли отложил бумагу, долго тер лицо ладонями.

— Ник, не горячись. — Он поднял на меня красные, будто заплаканные глаза. — Тут надо все как следует обмозговать...

— Куда уж дальше, — перебил я, — мозг уже в трубочку свернулся от мозгования!

— Да погоди ты...

У меня тряслись руки, я сжал кулаки, сунул их в карманы.

— Мы можем попробовать, — капитан подбирая слова. — Я могу связаться с Бюро... я уже говорил с Грубером... Они предложили включить тебя в программу защиты свидетелей...

— Это которая для стукачей из мафии?

— Грубер сказал, у них есть вариант в Милуоки. Шофером на пивной трейлер... Пиво развозить, короче... Новое имя, социальный номер, квартира.

— Пиво? — Я зло засмеялся. — А как с Хэлью? Ее куда? В стрип-бар, на столе плясать?

Капитан снова начал мучить лицо.

— А дети? Что с ними? Их куда? — Я встал, быстро прошел от стены к стене. — Куда?

В кабинете пахло сырой побелкой, было душно. Где-то за стеной играло радио, передавали что-то классическое. Я хотел расстегнуть воротник, пальцы не слушались, я дернул, пуговица весело зацокала по полу.

— Я все понимаю, — сказал я в стену; капитан за спиной замычал, как от зубной боли. — Просто не могу больше. Сломался. Перегорел, как лампочка. С виду вроде ничего, а внутри — хлам.

— Что ты собираешься делать? — спросил капитан.

— Исчезнуть. Для начала. — Я сел, скрестил руки на груди. — Они ведь до меня доберутся. И я не говорю «если», я спрашиваю «когда». Это вопрос времени.

— М-да, — промычал Ригли. — Вопрос времени.